

Письмо из Ленинграда

В преддверии 60-летия образования Союза ССР Всероссийское театральное общество пригласило в Ленинградский Дворец искусства группу молодых певцов Государственного академического театра оперы и балета Латвийской ССР. Их представил многочисленным слушателям главный дирижер А. Виллюманис, напомним о давних связях театров Риги и Ленинграда, а в качестве концертмейстера выступил другой дирижер — В. Боголюбов. Не только прославленные латышские артисты являются частыми гостями нашего города — имена молодых рижских певцов также известны ленинградским любителям музыки. Совсем недавно в исполнении Реквиема Верди участвовала Л. Грейдана; в роли Гремлина в «Евгении Онегине» Чайковского — С. Мартынов; надолго запомнилась трогательная Виолетта в «Травиате» Верди, созданная Э. Брахмане; в числе лауреатов конкурса имени Глинки демонстрировал свое искусство А. Поляков и т. д.

В рецензируемом концерте наибольший успех выпал на долю Я. Спрогиса. Он вызвал восторг публики типично итальянской манерой пения, превосходной вокальной техникой, увлеченностью и легкостью исполнения, свободно взятыми красными верхними нотами (ария Энцо из «Джоконды» Понкиелли, баллада герцога из «Риголетто» Верди); не случайно Спрогис выбрал в качестве произведения на бис популярнейшую везуволитанскую песенку «Санта Лючия».

Горячо принимали слушатели и А. Полякова. Молодой певец показал себя зрелым исполнителем. Особенно порадовал он трактовкой сочинений русских композиторов. Выразительно, с подъемом спел арию Грязного из «Царской невесты» Римского-Корсакова и романс Чайковского «На нивы желтые»; голос звучал насыщенно и ровно, без видимых усилий преодолевая все трудности. А вот трактовка «Испанского романса» Дарзиня оказалась грубоватой, доставало тонкости и разнообразия красок.

Программа, избранная Э. Брахмане, была несколько однотипной: четыре близкие по настроению колоратурные арии итальянских и французских композиторов XIX века (Лючия из «Лючия ди Ламмермур» Донизетти, Маргариты из «Фауста» Гуно, Мюзетты из «Богемы» Пуччини, паж Оскара из «Бала-маскарада» Верди). Однако они очень близко индивидуальности певца и позволили продемонстрировать лучшие стороны ее дарования: непринужденность и обаяние испол-

нения, легкость виртуозных пассажей со звонкими верхними нотами, тонкость в передаче своеобразия французского вокального стиля.

Менее ровным было выступление Л. Грейданы. Три большие оперные арии давали простор для показа многообразных возможностей певицы. Рассказ Мими из «Богемы» Пуччини прозвучал у нее светло и прозрачно, песня Сирены из «Порги и Бесс» Гершвина — ярко, эффектно, с драматической силой, каватина Эльвиры из «Пуритан» Беллини — с душевной теплотой и искренностью. Правда, в последней ощущался недостаток свободы и подвижности; быть может, она не вполне по голосу певице или просто стиль Беллини еще не до конца освоен Грейдана.

Исполнение С. Мартынова привлекло благородством, музыкальностью, вниманием к слову, хотя голос певца не поражает мощью и монументальностью. Особенно удалось ему камерные произведения в прежде всего песня Свиридова «Как яблочко румян» (кстати, Мартынов единственный включил в свою программу советскую музыку): здесь ярко проявилось чувство юмора, умение с серьезным видом, не комичуя, передать смешное. В ариях из опер Чайковского доставало величия, значительности. Возможно, что такое впечатление создавалось из-за излишне успешных темпов, а возможно, что виновю молодость певца, чей бас звучал чересчур лирично, без той насыщенности и глубины, которые необходимы для воплощения переживаний умудренных, много переживших героев (короля Рене из «Иоаннны», Гремлина из «Евгения Онегина»).

Самый короткий творческий путь — у С. Изюмова, и естественно, что в его выступлении особенно ощущался недостаток зрелости. Не вполне удачной оказалась и избранная программа: «Agnus dei» Бизе не принадлежит к числу ярких сочинений и к тому же близок по настроению к прозвучавшей след за ним спене смерти Родриго из «Дон Карлоса» Верди. Исполнение последней стало наибольшей удачей Изюмова, тогда как в «Серенаде Дон Жуана» Чайковского хотелось бы услышать разнообразие нюансов, ритмическую свободу, тонкость кантилены. Однако у способного певца еще все впереди.

На концерте в Доме искусств царяла очень теплая, непринужденная атмосфера. Надо надеяться, что эта встреча окажется не последней, и ленинградские любители оперы смогут познакомиться и с другими молодыми латвийскими исполнителями: ведь, по словам главного дирижера, в настоящее время в Рижской опере три четверти солистов составляет молодежь.

А. Кенигсберг.

Ленинград.

15 APR 1982

ГОЛОС РИЖС
С РИГА